
И. С. ГОЛУБЕВ

**СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО
КАК СОВРЕМЕННЫЙ ТИП
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА ***

В статье рассматриваются идейно-теоретические основания концепции социального государства и современная политическая практика его функционирования в развитых странах. Предполагается, что главным фактором становления социального государства является объективная необходимость интенсификации взаимодействия государственных и общественных институтов, обусловленная усложнением социальной структуры современного общества. В первой части работы анализируются теоретические истоки и современное состояние исследований концепции социального государства (государства всеобщего благосостояния). Вторая часть посвящена рассмотрению наиболее рельефных практических проекций социального государства, которые реализуются посредством проведения определенной социальной политики в наиболее развитых странах. Показано, что социальное государство является специфической для современной цивилизации формой социально-политической организации общества. В заключение с опорой на результаты проведенного исследования делается вывод об объективном характере процесса расширения влияния государственных институтов на жизнь современного общества и индивида.

Ключевые слова: социальное государство, государство всеобщего благосостояния, государственные институты, социальная политика, социальная структура, взаимодействие государства и общества, «этикетизация» общественной жизни, государственная поддержка.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ 22-28-00927 «Диагноз современности и глобальные общественные вызовы в социально-философской рефлексии».

Для цитирования: Голубев И. С. Социальное государство как современный тип социально-политической организации общества // Философия и общество. 2024. № 2. С. 83–94. DOI: 10.30884/jfio/2024.02.05.

For citation: Golubev I. S. The Welfare State as a Modern Type of Socio-Political Organization of Society // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2024. No. 2. Pp. 83–94. DOI: 10.30884/jfio/2024.02.05 (in Russian).

Философия и общество, № 2 2024 83–94

DOI: 10.30884/jfio/2024.02.05

The article examines the ideological and theoretical foundations of the concept of a welfare state and the modern political practice of its functioning in developed countries. It is assumed that the main factor in the formation of a social state is the objective need to intensify the interaction of state and public institutions, due to the increasing complexity of the social structure of modern society. The first part of the work analyzes the theoretical origins and current state of research on the concept of the welfare state. The second part is devoted to the consideration of the most prominent practical projections of the welfare state, through the implementation of certain social policies in the developed countries. It is shown that the welfare state is a specific form of socio-political organization of society of modern civilization. Based on the results of the study, a conclusion is made about the objective nature of the process of expansion of the influence of state institutions on the life of modern society and the individual.

Keywords: *welfare state, der Sozialstaat, state institutions, social policy, social structure, interaction between state and society, “etatization” of public life, state support.*

Десять лет назад, осенью 2013 г., король Нидерландов Виллем-Александр объявил об «окончании эпохи социального государства и переходу к так называемому participation society – “обществу активного участия”», то есть такому, характерной чертой которого становится «сокращение социальных расходов государства и повышение ответственности за собственное благосостояние самих голландцев» [Король... 2013]. Однако события последних лет показали, что представления об уменьшении роли государства в общественной жизни и соответствующие заявления о «конце истории социального государства» оказались явно преждевременными, более того, можно сказать, что влияние государства на жизнь человека и общества в последнее время только возрастает. Наиболее ярким примером тому являются введенные практически во всех странах в связи с пандемией COVID-19 беспрецедентные регулирующие и ограничительные меры со стороны государства. Да и в целом можно, наверное, утверждать, что проводимая в последние годы в западных странах *социальная политика* в области здравоохранения, образования, миграции и других сфер общественной жизни достаточно наглядно свидетельствует о ее возрастающей этатизации. В этой связи особенно актуальным представляется анализ наиболее распространенных практик современной социальной политики, реализуемой сегодня в социальных государствах.

Концепция социального государства в зеркале социально-философской рефлексии

Концепция социального государства является предметом достаточно острых дискуссий в отечественной социальной науке¹. Как отмечает Ю. Д. Гранин, сегодня «существуют десятки экономических, политических, правовых и иных дисциплинарных трактовок концепта “социальное государство” и, как минимум, три междисциплинарных подхода к анализу социального государства: атрибутивный, ценностно-нормативный и структурно-функциональный» [Гранин 2019: 12]. Характеризуя такое положение дел, можно отметить, что, конечно, подобный концептуально-теоретический плюрализм, с одной стороны, является необходимым условием прироста научного знания, но с другой – свидетельствует об отсутствии консенсуса между учеными в понимании природы рассматриваемого феномена. И это несмотря на то, что именно концепция социального государства послужила идейной основой для определения фундаментальных принципов внутренней государственной политики, именно *социальной политики* ведущих стран Запада, и прежде всего США, во второй половине XX в. А в Российской Федерации понятие «социальное государство» официально закреплено в Конституции.

Как концептуально-теоретический конструкт понятие «социальное государство» в систематически разработанном виде впервые появляется в работах немецкого философа-гегельянца, экономиста и государствоведа Л. фон Штейна [1872]. Важнейшей задачей своего учения он считал обоснование необходимости и возможности построения такого типа общественно-государственного устройства, в котором были бы сведены к минимуму противоречия между различными социальными группами. Для этого социальное государство, с точки зрения Л. фон Штейна, должно «поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов... способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [цит. по: Милецкий 1997: 82].

¹ В 2019 г. ЦИСИ Института философии РАН и журнал «Вопросы философии» провели совместный «круглый стол», на котором обсуждались в основном практические вопросы формирования социального государства в России. Подробнее об этом см.: Вопросы философии. 2019. № 10. С. 5–26.

Дальнейшее развитие эта концепция, но уже под названием «государство всеобщего благосостояния», получает в социальной философии одного из основателей социал-либерализма, представителя английского неогегельянства Т. Х. Грина. Ключевым постулатом его политического учения была идея активного, деятельного участия государства в социальной жизни. Только сильная государственная власть, считает Грин, способна в полной мере «социализировать» индивида, то есть включить его в сложившуюся систему социальных отношений в качестве субъекта общественных отношений [Green 1999]. Полемизируя со сторонниками радикального индивидуализма (главным образом с Дж. Ст. Миллем), английский мыслитель, так же как и Л. фон Штейн, настаивает на том, что лишь всестороннее государственное регулирование социального взаимодействия способно снизить «градус классовых противоречий», то есть обеспечить полноценную реализацию прав и свобод каждого гражданина вне зависимости от его принадлежности к той или иной социальной группе. Таким образом, именно Грин, по сути, стоял у истоков концепции государства всеобщего благосостояния (welfare state) в ее современном виде, о чем практически не говорится в отечественной и крайне редко упоминается в зарубежной научной литературе, посвященной анализу социального учения английского неогегельянства. Добавим, что и сам термин «welfare state» был впервые употреблен епископом англиканской церкви У. Темплом [Петров 2022], автором полемических работ на тему взаимоотношений индивида и общества и государства, находившимся под значительным влиянием разработанной Т. Х. Грином социал-либеральной доктрины².

Повышение благосостояния граждан посредством активного, деятельного участия государства как в экономике, так и в других сферах жизни общества остается основополагающим принципом концепции социального государства и в ее современном виде. В концептуальном отношении важно отметить, что уже сама терминологическая конструкция – социальное государство – и по логике своего построения, и по очевидному «прямому» смыслу – «общественное государство» – непосредственно указывает на необходимость возможно более тесной взаимосвязи государственных и общественных институтов. На это обстоятельство обращает вни-

² Подробнее об этом см.: [Temple 1928].

мание П. К. Гончаров, автор статьи «Социальное государство» в «Новой философской энциклопедии»: «Социальное государство, – пишет он, – знаменует *высокий уровень сближения целей* (курсив мой. – И. Г.) и гармонизацию отношений государственных институтов и общества» [Гончаров]. Само же социальное государство определяется им как «особый тип современного высокоразвитого государства, в котором обеспечивается высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства по регулированию социальной, экономической и других сфер жизнедеятельности общества» [Там же]. То, что теснейшая взаимосвязь государственных и общественных институтов, непосредственное воздействие государства на социально-классовую структуру общества является ключевым признаком социального государства, отмечает и Л. Н. Кочеткова. Согласно ее дефиниции, социальное государство представляет собой «государство классового общества, которое с целью сглаживания классовых противоречий и стабильного развития рыночной экономики гарантирует каждому гражданину такие стандарты материальной жизнедеятельности, которые позволяют ему реализовывать свое право на частную и публичную автономию» [Кочеткова 2012: 103]. О решающем влиянии государства на формирование социальной структуры современного общества пишет также один из крупнейших зарубежных специалистов по теории социального государства Г. Эспинг-Андерсен. Он отмечает, что «социальные государства являются ключевыми институтами в структурировании классов и социального порядка» [Esping-Andersen 2008: 55].

Таким образом, именно интенсификация взаимодействия государственных институтов и общества становится главным фактором постепенного уменьшения общественных противоречий и роста социальной защищенности человека в современном государстве. На принципиальное значение этого фактора указывает, в частности, П. Бурдьё в своем знаменитом курсе лекций «О государстве» [Бурдьё 2016], где много внимания уделено описанию конкретных социальных практик, посредством которых государство оказывает непосредственное формирующее воздействие на социальную структуру общества и жизнедеятельность индивида. Он приводит многочисленные свидетельства растущей этатизации французского общества и показывает, что во второй половине XX в. социальное

развитие сопряжено главным образом с увеличением государственного участия в жизни общества и индивида и что имеется прямая устойчивая взаимосвязь между расширением «поля деятельности» государства и развитием институтов гражданского общества [см.: Бурдые 2016, в особенности с. 68–85, 317–335]. П. Бурдые подчеркивает тесную связь разного рода символических структур, в особенности таких, казалось бы, совершенно далеких от политики, как официальный календарь, национальные и религиозные праздники, язык, с властью и государственным управлением и отмечает, что именно государство «обосновывает логическую и моральную интеграцию социального мира, а потому и фундаментальный консенсус относительно смысла социального мира» [Там же: 25].

Социальное государство: современные практические проекции

Переходя к рассмотрению реальной социальной политики, которая сегодня проводится государством во многих развитых странах, заметим, что хотя она далеко не всегда базируется на официальном принятии концепции «социального государства» и юридическом закреплении именно этого термина³, тем не менее можно сказать, что отмеченная П. Бурдые тенденция к «этатизации» общественной жизни характерна для современной цивилизации. Причем дело не только в таких очевидных внешних аспектах государственного управления, как регулирование экономики, пенсионные и страховые выплаты, контроль трудовых отношений и т. п. Сама специфика современного, становящегося все более социальным государства, по характеристике Э. Гидденса, предполагает, что оно представляет собой также и «систему обуздания рисков», призванную «защищать от опасностей, некогда рассматривавшихся как воля богов, – болезней, потери трудоспособности, безработицы и старости» [Гидденс 2004: 39]. Иными словами, именно социальное государство сегодня берет на себя обязательства по удовлетворению многих жизненно важных потребностей индивидов-граждан. Эта тенденция к «социализации» деятельности государства, или, что то же, – к «этатизации» общественной жизни, имеет глубокие объек-

³ Например, в англоязычных странах, как было отмечено, в ходу понятие «государство всеобщего благосостояния», во Франции принято употреблять термин «государство-защитник», в Швеции – «народный дом».

тивные основания и обусловлена необходимостью выполнения государством своей основной функции – обеспечения безопасности социального взаимодействия – жизнедеятельности индивидов.

А поскольку порождающей функцией государства является именно обеспечение всеобщих интересов, то, что государство сегодня «присутствует» едва ли не на всех уровнях потребностной иерархии индивида, одним из первых «реагируя» на возникающие у него надобности, приходится признать вполне закономерным. Неудивительно, что уже привычным фактом стала забота государства о благополучии своих граждан даже на уровне восполнения их базовых физиологических потребностей, для чего принимаются меры законодательного регулирования форм и способов удовлетворения последних. Так, например, специальными государственными актами запрещаются громкая музыка, ремонтные работы и т. п. во время «часов тишины», что должно способствовать здоровому сну, удовлетворение потребности в котором является необходимым для человека. Производство и продажа продуктов питания должны сопровождаться санитарным контролем, который осуществляется специальными государственными органами; производство ряда товаров (например, крепких алкогольных и спиртосодержащих напитков) во многих странах мира монополизировано государством, а само существование такой монополии объясняется заботой государства о сохранении здоровья граждан. То же касается и регуляции личной жизни индивида: государство сегодня устанавливает брачный возраст и «возраст согласия» вступления в интимные отношения, насыщает городские и виртуальные пространства напоминаниями о необходимости соблюдения безопасности при близких контактах, берет под контроль как рождение ребенка, так и прерывание беременности.

Впрочем, наиболее рельефно деятельность современного социального государства как «системы сдерживания рисков» проявляется не только и даже не столько в виде сугубо охранительных мер, реализуемых посредством аппарата принуждения – армии, полиции, системы пенитенциарных учреждений. Напротив, с появлением социального государства все больше частных составляющих всеобщих интересов индивида в традиционном обществе, практически до начала XX в. остававшихся его личным делом, попадают в поле зрения государства, которое реагирует на них принятием соответствующих мер *поддержки и охраны*. Так, присущая каждо-

му человеку потребность в сохранении здоровья в современном обществе обеспечивается государственной системой здравоохранения. Современное государство практически полностью контролирует здоровье каждого своего гражданина с момента рождения (и даже до него), вводит обязательные периодические медосмотры, обязательный календарь прививок и т. п. Причем степень вовлеченности государства в вопросы здравоохранения постоянно расширяется, принимаются программы *социальной медицины* (к примеру, система обязательного и дополнительного медицинского страхования в РФ), которые, кстати, нередко становятся предметом острой политической борьбы, как это было (и наверняка еще будет) с программой «Medicare» в США.

Еще одной важнейшей сферой деятельности современного социального государства, призванной обеспечивать всеобщий интерес индивида, становится система институтов призрения. Конечно, оставшиеся без попечения родителей малолетние дети, а также малоимущие или пожилые люди без присмотра близких были и в традиционных обществах. Однако опять же практически вплоть до начала XX в. содержание потерявших кормильцев «стариков, женщин и детей» передавалось «на баланс» церкви или родственников, могущих принять на себя эту функцию. Существовали и частные приюты, и дома милосердия, но государство не занималось *общественным призрением*. Сегодня же именно оно принимает на себя ответственность за обеспечение безопасности, сохранение жизни и здоровья своих граждан, оставшихся без необходимого обеспечения, создает государственную систему приютов, детских домов и домов престарелых.

От помощи отдельным *социально неблагополучным* индивидам и неполным семьям современное государство перешло также к практике регулирования внутрисемейных отношений в обычной традиционной семье. Сегодня оно запрещает семейное насилие и устанавливает правила, определяющие надлежащие условия воспитания детей в семье, а в случае их нарушения лишает родительских прав. Созданы специальные государственные инспекции, контролирующие жизнь ребенка в семье, и целая новейшая отрасль права – ювенальная юстиция. Расширяется не просто не существовавшая – немыслимая в традиционных обществах практика изъятия детей из «неблагополучных» семей, тогда как еще недавно немыслима была и сама возможность официально-государственной маркировки семьи в качестве «благополучной» или «неблагополучной».

Огромную роль в жизни современного общества играет, безусловно, и государственная система образования. В принципе, получение образования – это присущий современной культуре способ социализации, прохождение которой является одним из необходимых условий обеспечения безопасности индивида и, соответственно, составляет его всеобщий интерес. Тем не менее изначально система образования была преимущественно прерогативой Церкви, а еще в начале прошлого века во многих странах за получение образования отвечали главным образом частные школы и университеты, например знаменитые *public schools* в Великобритании. Сегодня же именно государство «дает образование», проводит *единый государственный экзамен* и выдает аттестат зрелости. Более того, современное государство, точно так же как когда-то Церковь в традиционном обществе, предписывает определенное содержание школьным и университетским программам, фактически устанавливая монополию на формирование *общественного сознания*, основ мировоззрения своих граждан.

Современное государство взяло на себя также функцию *охраны природы*, создав систему специальных государственных органов, предназначенных для решения этой задачи. Сегодня оно регламентирует правила охоты и рыбной ловли, время сбора грибов и ягод и даже просто похода в лес, определяет места для купания. Все эти меры, даже если и кажутся избыточными, по сути, действительно являются прерогативой государства, поскольку обусловлены необходимостью выполнения им все той же своей функции – реализации всеобщего интереса индивида, обеспечения его безопасности, так как очевидно, что нарушение экологического равновесия и/или истощение природных ресурсов создает для нее прямую угрозу. Поэтому в современном мире даже взаимодействие человека с природой регламентируется государством и приобретает тем самым не только социальное, но и собственно политическое измерение. Соответственно, решение экологических проблем становится совместной задачей государства и общества и может быть найдено только в процессе возможно более тесного взаимодействия их институтов.

Характерной чертой современного государства является также обладание собственной официально-государственной системой формирования населения. На смену глашатаю, зачитывавшему царские указы на Лобном месте, пришла целая индустрия газет, радио

и телевидения, причем последние изначально возникли и распространились именно как государственные средства информации, специально предназначенные для массовой, *всеобщей* аудитории. Современное государство таким образом удовлетворяет всеобщий интерес индивида в получении информации о состоянии окружающей действительности. И сегодня государство – основной игрок на информационном поле общества, стремящийся к возможно более полному контролю над производством и распространением информации. Такой контроль приобретает все большее политическое значение, поскольку в условиях информационного общества, живущего по принципу «кто владеет информацией, тот владеет миром», своевременное получение необходимой информации становится все более значимым фактором успешного обеспечения жизнедеятельности индивида. Неслучайно сама концепция информационного общества появляется в социальной науке именно в эпоху государства всеобщего благосостояния⁴, отражая в своем названии его важнейшую черту.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что характерным для современной цивилизации типом социально-политической организации общества в целом является социальное государство, главным признаком которого можно считать постоянное расширение сферы и рост влияния государства практически на все стороны общественной жизни. Сегодня именно государство разрешает (лицензирует), регламентирует и контролирует едва ли не каждый аспект социальных отношений и вид деятельности, стремясь максимально сократить и делегитимировать находящиеся вне зоны досягаемости его контролирующих органов практики социального взаимодействия. Показательны в этом отношении слова М. Фуко о том, что в современном государстве «отношения власти проникают в самую толщу общества; они не локализуются в отношениях между государством и гражданами или на границе между классами» [Фуко 2005: 21]. Соответственно, расширение влияния государства, его своего рода «врастание» в общество (или «срастание» государства и общества, их совместный рост-развитие) объективно имеет своим результатом то, что может быть названо постепенной «эта-тизацией» общества.

⁴ На взаимосвязь информационного общества и государства всеобщего благосостояния на примере Финляндии указывали, в частности, П. Химанен и М. Кастелс [2002].

Таким образом, рассмотренные концептуально-теоретические основания и практическая социальная политика современного социального государства позволяют определить его как специфичный для современной цивилизации тип социально-политической организации общества в целом, который характеризуется тенденцией к возрастанию роли государственного регулирования всех важнейших форм социального взаимодействия с целью поддержки социально незащищенных граждан и групп населения для обеспечения возможно более полного социального равенства.

Литература

Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М. : Дело, 2016.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004.

Гончаров П. К. Социальное государство [Электронный ресурс] : Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad66b0624897b321e87aad> (дата обращения: 25.09.2023).

Гранин Ю. Д. Социальное государство: факторы становления // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 11–16.

Король Нидерландов объявил о завершении эпохи благосостояния [Электронный ресурс] : Лента.ру. 2013. 19 сентября. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/09/19/netherlands> (дата обращения: 25.09.2023).

Кочеткова Л. А. Философский дискурс о социальном государстве. М. : ИНФРА-М, 2012.

Милецкий В. П. Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении / под ред. М. А. Василика, Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997.

Петров А. В. Концепция социального государства в европейских странах // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Экономика. 2022. № 58. С. 42–57. DOI: 10.17223/19988648/58/3.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс, 2005.

Химанен П., Кастелс М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель. М. : Логос, 2002.

Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1872.

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. 2008 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/243774920_The_Three_Worlds_Of_Welfare_Capitalism (дата обращения: 25.09.2023).

Green T. H. Lectures on the Principles of Political Obligation. Kitchener : Batoche Books, 1999.

Temple W. Christianity and The State. London : Macmillan and C^o, 1928.